

«Что ты сказал?!»

Двое, готовые вцепиться друг в друга, мгновенно притихли. Чжан Мэйлинь и госпожа Ли одновременно повернули головы к Хэ Бяню. На их лицах смешались удивление, гнев, внезапное понимание и попытки сдержать вспышку ярости — выражения сменялись одно за другим.

Обе были не из простых — их взгляды давили, словно прижимали к земле. Хэ Бянь почувствовал, как по коже пробежал холодок, страх сжал сердце. Его плечи, натянутые от напряжения, невольно опустились, и он склонил голову.

Но... с какой стати?

Почему все считают, что его легко обидеть? Почему он должен был умереть, брошенный в глуши, где его тело пожирали змеи и зверье, в то время как в доме Тянь развешивали фонари и праздновали?

Стоило вспомнить предательство прошлой жизни — и в груди Хэ Бяня взметнулась тёмная злоба. У него не было ни прошлого, ни будущего, ни места, куда можно вернуться. Тот, кто уже побывал мёртвым, разве станет бояться живых?

Сжав кулаки, он резко поднял голову и упрямо сказал:

«Верно. Раз уж они любят друг друга, раз им плевать на приличия и стыд, раз они готовы при всех предаваться этому — пусть. Им не стыдно, а я так не могу!»

Ненависть в его взгляде заставила госпожу Ли невольно отвести глаза. Она бросила быстрый взгляд на сваху — это тот самый "простодушный и покладистый парень", о котором ты говорила?

Сваху, уловив её недовольство, подумала: и ещё смеет смотреть так на меня? Ты сама расхваливала своего сююя — мол, благородный, воспитанный. А теперь такой позор — кто бы на месте этого парня не сорвался?

Госпожа Ли неловко отвела взгляд, затем снова посмотрела на Хэ Бяня и заговорила мягко, но с непрекаемой уверенностью:

«Вы с братом выросли вместе. Если теперь последуете примеру Э-хуан и Нюй-ин, будете служить одному мужу — это тоже станет красивой историей. Да, сегодня случилось недоразумение, но со временем деревня будет лишь завидовать тебе — жить будешь в достатке, ни в чём не нуждаться. Не стоит из-за минутного упрямства разрушать свою судьбу».

Хэ Бянь не знал, кто такие Э-хуан и Нюй-ин, но прекрасно понимал другое: эта женщина смотрит на него свысока, считает его слабым и удобным.

Прежний Хэ Бянь, возможно, и растерялся бы, не найдя слов. Но теперь в его глазах вспыхнуло желание разрушить всё до основания.

Опустив длинные тёмные ресницы, он с притворной наивностью спросил:

«Так это, оказывается, хорошее дело? Тогда, тётушка Ли, раз ваш муж давно умер... почему бы вам самой не разделить одного мужчину с вашими сёстрами — чтобы получилась достойная, всеми восхваляемая история?»

«Ты!.. Как ты смеешь так говорить!» - госпожа Ли, привыкшая держаться как высокопоставленная жена чиновника, мгновенно побагровела. Лицо её исказилось от злости, но слова застряли в горле — она лишь могла, выпучив глаза, указывать пальцем на Хэ Бяня.

Ха, значит, стоит кому-то оказаться ещё грубее и бесстыднее — и ты уже вспоминаешь о стыде.

Чжан Мэйлинь, видя, как госпожа Ли оказалась в тупике, не удержалась от скрытой улыбки. Даже у глиняной куклы есть свой нор — загнанный заяц и тот кусается. Её вполне устраивала эта ответная реплика Хэ Бяня. Тихоня, которого она растила десять лет, всё-таки не лишён смекалки.

Чжан Цимин, нахмурившись, мрачно посмотрел на Хэ Бяня:

«Как ты смеешь так разговаривать с моей матерью?»

Хэ Бянь взглянул на него, словно на что-то грязное, и, скосив глаза, ответил:

«И что, мне ещё на колени встать? Я кланяюсь только мёртвым. Впрочем, если уж кому и кланяться — так это тебе. За то, что опозорил свой дом, за то, что опозорил своих предков, за то, что предал доверие рода. Ах да, прежде чем кланяться, прикрой следы на своей шее. А то вдруг твои предки узнают, чем ты тут занимаешься — и не найдут покоя даже в могиле».

Слова обрушились один за другим. Лицо Чжан Цимина вспыхнуло, он покраснел до ушей и даже не осмелился встретиться взглядом с Хэ Бянем.

С каких это пор Хэ Бянь стал таким острым на язык?

Когда они знакомились, тот был робким, не смел даже прямо на него взглянуть. А теперь — тычет пальцем и ругает, и возразить нечего.

Тянь Ваньсин, пока говорила госпожа Ли, не решался вмешаться. Но увидев, что Хэбянь нападает на Чжан Цимина, не выдержал:

«Хэ Бянь, ты...»

Но Хэ Бянь не дал ему договорить, с явным презрением перебив:

«Тянь Ваньсин, ты бы лучше за себя побеспокоился, а не за своего "милого". За связь на стороне двадцать лет назад вас бы в свиной загон загнали. И ты ещё смеешь после этого выходить за порог? Не боишься, что люди взглядами тебя пронзят, а слюной утопят?»

Каждое слово било точно в сердце. Лицо Тянь Ваньсина побледнело, он едва держался на ногах от внезапного ужаса. Схватив Чжан Цимина за руку, со слезами на глазах он сказал:

«Цимин, ты обязательно должен взять меня в жёны! Хэ Бянь не хочет — а я хочу! Я с детства ел лучше, носил лучше — с первого взгляда видно, что у меня судьба лучше его. Я точно принесу тебе удачу, помогу тебе сдать экзамены и стать первым!»

Сказав это, он с ненавистью бросил взгляд на Хэ Бяня:

«Человеку без судьбы не место у ворот счастья».

Хэ Бянь лишь усмехнулся:

«Вот и наслаждайся этим "счастьем".

С этими словами он больше не взглянул на людей в зале — на их лица, полные подавленного гнева и противоречивых чувств — и широким шагом вышел.

Его худощавая фигура пересекла тёмный зал и направилась к свету — в поношенной серой одежде, усыпанной заплатами.

Оставшиеся в комнате долго не могли прийти в себя, глядя ему вслед.

Сваха Цянь подумала про себя:

А ведь из него вышел бы отличный "материал" для сватовства...

Она считала, что за свою жизнь повидала бесчисленное множество людей, но всё же ошиблась. Нет, не одного — двух. Тьфу, что за грязные твари.

Чжан Мэйлинь первой пришла в себя. Сейчас самым важным было закрепить помолвку между Тянь Ваньсином и сюцаем. Что до Хэ Бяня — он просто не смог сразу смириться от злости; позже стоит его уговорить — и он снова станет послушным, почтительным и готовым терпеть всё.

Чжан Мэйлинь сказала:

«Ваш сюцай виноват первым — он опозорил честь моего ребёнка. Поэтому Ваньсин обязательно станет главной женой. А Хэ Бянь... может быть только наложником».

Госпожу Ли ещё жгли слова Хэ Бяня — ей хотелось разорвать его на части. Поэтому она больше не настаивала на том, чтобы он был главной женой: пусть станет низкой наложницей. А с роднёй она как-нибудь всё уладит.

Но и торопиться она не собиралась — ей хотелось ещё помучить этого "лисёнка", который посмел соблазнить её сына:

«Когда Хэ Бянь согласится выйти замуж, тогда и сыграем свадьбу — сразу вместе».

Тянь Ваньсин хотел было что-то сказать, но Чжан Мэйлинь удержала его — с Хэ Бянем проблем не будет.

Две семьи ещё раз всё обсудили и окончательно назначили свадьбу на время каникул в уездной школе — через два месяца. Успокоившись, госпожа Ли собралась уходить.

И тут сваха Цянь напомнила:

«А мои деньги? Работа выполнена. Пять лянов — мало, добавьте ещё один за пережитый страх».

Что тут выполнено? Свадьбу ведь всё равно назначили. У госпожи Ли только-только улёгся гнев, как он вспыхнул снова. Она прекрасно понимала: сваха нарочно требует больше — за молчание. Но, стиснув зубы, ей пришлось согласиться.

Тем временем Хэ Бянь выбежал со двора и сел между зелёными рядами рисовых всходов. Сжав колени, он уткнулся в них лицом и несколько раз глубоко вдохнул — сердце всё ещё бешено билось.

Только он знал: в зале он держался лишь на одной ярости. Ещё немного — и он бы выдал свою слабость.

Он протянул руку, коснулся травы, крепких стеблей риса. Лёгкий запах влажной земли смешивался с свежестью зелени. В этом укромном уголке, среди переплетения зелёных линий, Хэ Бянь постепенно успокоился.

Но стоило ему сделать вдох, как в горле разливалась боль — будто его перерезали и разъедали изнутри.

В сознании одна за другой вспыхивали сцены из прошлой жизни, от которых невозможно было избавиться.

Коровы жуют траву, люди же склонны размышлять, докапываясь до сути — тем более он, Хэ Бянь, чья голова разрывалась от хаоса и пронзительной боли.

После его смерти Чжан Мэйлин, выходя из дома, неизменно принимала скорбный вид. Встречая людей, она жалобно рассказывала о его несчастной судьбе: мол, не был он человеком, которому суждено наслаждаться жизнью; вырастила его, вложила все силы, вот-вот должен был зажить хорошо — и вдруг умер.

Окружающие обычно поддакивали:

«У этого ребёнка судьба тонкая, видно, с рождения обречён на страдания. С детства его перепродавали, потом ты выкупила его, дала хорошую жизнь. С таким трудом у него появился дом — и всё же он умер таким молодым».

Видя, как приёмная мать снова заливается слезами, добавляли:

«У жалкого человека непременно есть за что его ненавидеть. Не стоит больше из-за него убиваться — ещё подорвёшь здоровье».

Говорят: у жалкого человека всегда найдётся и нечто достойное ненависти.

В чём же он был виноват?

За десятки лет, проведённых духом, он днём и ночью возвращался к этому вопросу — и наконец понял:

вся его ошибка была в том, что он сам себя презирал, унижал, словно нищий, угождал каждому, вымаливая расположение.

Он ненавидел свою глупость, невежество, трусость. Но если даже он сам будет ненавидеть себя — тогда в этом мире не останется ни одного человека, которому он будет дорог.

Никому не было дела до его смерти — только ему самому.

Никому не было дела до него — только ему самому.

Раз уж ему выпал шанс прожить жизнь заново, Хэ Бянь непременно отомстит за кровь и обиды, а затем уйдёт далеко-далеко.

Он собирался разорвать родственные узы с семьёй Тянь и получить собственную регистрацию.

В этой династии правят, опираясь на сыновнюю почтительность. Чтобы открыто порвать с семьёй Тянь и при этом не попасть под преследование клана и наказание властей, требовалось всё тщательно продумать.

В прошлой жизни, когда он был бесплотным духом, он слышал трагическую историю одного герга из соседней деревни: с детства родная мать его не любила и жестоко обращалась, а отчим и вовсе продал его в рабство. И всё же тот подал на родителей в суд — и в итоге был обвинён в непочтительности и казнён через повешение.

Хэ Бянь, обхватив колени, спрятался среди щелей рисового поля. Никто его не замечал — и это приносило ему ни с чем не сравнимое чувство покоя и уверенности. Так он и сидел, размышляя, перебирая мысли, пока незаметно не подступил вечер.

Он почувствовал голод и поднялся, чтобы вернуться в тот двор.

Он не хотел называть его домом. Ну и что, что нет дома? Теперь он вырос — больше не тот беспризорник, которого можно было обижать из-за того, что у него нет семьи.

В деревне с самого утра бурно обсуждали случившееся, но двор семьи Тянь, оказавшийся в центре разговоров, наоборот, стоял тихий и безлюдный.

Чжан Мэйлинь весь день варила куриный бульон, чтобы подкрепить Тянь Ваньсина. Она и злилась на него, и жалела одновременно.

С миской бульона в руках она вошла в комнату Тянь Ваньсина и увидела, что её герг весь день не ел и не пил, упрямо лежал, закутавшись в одеяло, и даже щёки у него заметно осунулись.

«Ваньсин, иди выпей бульон. Выпьешь — снова станешь белым да пухленьким, как самый красивый герг на десяток окрестных деревень».

И что толку в красоте?

Сюцай ведь обручён не с ним.

Вы всё равно больше любите того, кого выбрали.

Даже теперь, его брак зависит от того, согласится ли Хэ Бянь выйти замуж.

Он уже давно испытывал к Хэ Бяню отвращение, хотел поскорее избавиться от него. А мысль о том, что тот ещё и будет бороться с ним за мужа, казалась ему такой же отвратительной, как если бы в куске мяса завелись личинки.

Тянь Ваньсин раздражённо натянул на голову одеяло и из-под него со всей силы пнул ногой по кровати.

Чжан Мэйлинь взглянула на солнце — Хэ Бянь вот-вот должен был вернуться — и поторопила:

«Вставай быстрее и выпей, а то скоро Хэ Бянь придёт».

В этот момент во дворе послышались шаги. Сдерживаемая с самого утра злость Тянь Ваньсина тут же вспыхнула, и он выскочил наружу.

«Хэ Бянь! Ты, рождённый с презренной судьбой, должен быть благодарен за то, что тебе выпал шанс выйти за брата Цимина — это счастье, которое ты накопил за несколько жизней! Даже не

думай сейчас выторговывать себе какой-то выкуп или компенсацию. Как только я войду в их дом, сразу же продам тебя!»

Хэ Бянь, едва переступив порог, ожидал, что Тянь Ваньсин устроит сцену, но не думал, что тот окажется настолько безмозглым.

«Я уже сказал: я не выйду замуж. Зато вся деревня знает, как это ты рвёшься замуж».

Чжан Мэйлинь поспешила выбежать, пока дело не зашло слишком далеко, и обратилась к Хэ Бяню:

«Хэ Бянь, брак с сюцаем — редкая удача, такую партию нелегко найти. Я тогда долго искала. Твой младший брат ещё мал, с детства наивен — наверняка этот сюцай его обманул и обидел. Но если он сейчас не выйдет за него, какая у него будет дорога в жизни? Ты же не можешь своими руками загнать его в могилу. Хотя бы ради того, что в тот год, когда тебе было семь, я спасла тебя и привела в дом... ради того, что все эти годы я к тебе хорошо относилась — помоги своему брату».

Застывшее лицо Хэ Бяня при её словах исказилось болью и внутренней борьбой. Сердце Чжан Мэйлинь радостно дрогнуло: по опыту она знала — стоит сказать ещё пару фраз, и Хэ Бянь уступит, начнёт благодарить и каяться, а затем, охваченный чувством вины, станет ещё более послушным и почтительным.

Но, будучи духом, Хэ Бянь уже увидел истину во всей её ясности.

Каждый раз, когда Чжан Мэйлинь, выплакавшись на людях, возвращалась домой, вытерев фальшивые слёзы, она срывала с себя ту мягкую, скорбную маску.

С вытянутым, угрюмым лицом она проклинала его, желала ему плохой смерти, жаловалась, что из-за него слишком много работы в поле и не справиться, сожалела, что когда-то его купила.

Говорила даже, что за все эти годы еда и одежда, потраченные на него, не стоят и покупки коровы — корова хотя бы послушна и не доставляет хлопот.

Выходит, его не подобрали — его купили.

Его действительно водили за нос.

<http://bllate.org/book/17226/1612414>